

А. А. Чарушинъ.

Трезвая Русь.

118911

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1914.

Трезвая Русь.

Тотъ, кто домогался бы сейчасъ открытія казеннокъ, пивныхъ и имъ подобныхъ алкогольныхъ заведеній, мнѣ думается, врагъ Россіи. Тотъ не хочетъ понять значенія переживаемаго великаго историческаго момента, не хочетъ ухватиться за него, какъ за надежнѣйшій рычагъ, ведущій къ отрезвленію и оздоровленію Россіи, не хочетъ внять наконецъ голосу многомилліоннаго народа, который „единими устами и единымъ сердцемъ“ молить и просить въ душѣ объ одномъ: если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на возможно долгія времена избавить его отъ этой „пагубы“, пока не окрѣпнетъ духъ его, и самъ онъ не будетъ противостоятъ влеченію къ пьяному зелью.

Восьмое лѣто я проживаю въ глухомъ деревенскомъ углу на границѣ Псковской и Петроградской губерній, и никогда еще сердце мое не было трогаето такъ величіемъ раскрывагося предо мною народнаго духа, какъ въ эти минуты грозной войны и всеобщей трезвости, и никогда еще, мнѣ казалось, благословіемъ народа не отмѣчалась такъ ни одна, даже кровно близкая ему государственная мѣра, какъ мѣра повсемѣстнаго запрещенія продажи нитей. Слишкомъ уже, очевидно, переполнилось долготерпѣніе народа отъ довлѣвшей надъ нимъ. вѣками силы крылатыхъ завѣтовъ Владиміра Краснаго-Солнышка: „пити и ясти есть веселіе Земли Русской“.

Въ августѣ деревня, о какой идетъ рѣчь, справляетъ свой престольный праздникъ. Это, значить, три дня гостьбы собирающихся со всѣхъ окрестныхъ деревень родственниковъ и знакомыхъ, три дня усерднаго потчиванія и хмельного бражничанья въ каждой семьѣ, три дня и три ночи пьяной гульбы и озорства деревенской молодежи. За семь лѣтъ на моихъ глазахъ не проходилъ еще ни одинъ праздникъ, чтобы тотъ или другой день его не завершался боевыми подвигами парней, появлявшихся потомъ кто съ повязанною головою или глазомъ, кто съ подбитою скулою или ножевою раню на рукѣ. И вдругъ, словно въ сказкѣ волшебной, деревня преобразилась. Нѣтъ ни безцѣльнаго бражничанья въ справляющей праздникъ семьѣ, ни дикихъ выкриковъ подгулявшихъ, ни нудныхъ звуковъ гармошки, ни пьянаго озорства и хулиганства молодежи. Роковой вопросъ, столь занимавшій одно время умы правящихъ сферъ, какъ бороться съ возрастающимъ хулиганствомъ въ деревнѣ, разрѣшился самъ собою. Въ основѣ этого хулиганства лежало, безъ сомнѣнія, одно исключительно пьянство.

Какъ же реагировала деревня на эту мѣру внезапнаго отрезвленія ея? Но пусть за перо мое говоритъ она сама, ибо въ ея простой, безхитростной рѣчи ярче звучитъ эпическая сила ея затаенныхъ думъ и желаній.

Войдите въ этотъ народный праздникъ въ любую крестьянскую избу, переполненную съѣхавшимися гостями, и васъ встрѣтятъ всѣ, а

особенно радушные хозяева привѣтливими словами, въ которыхъ сразу вы отличите тонъ какого-то смущеннаго, но въ то же время внутренне-довольнаго недоумѣнія.

— Вотъ, дожили до какихъ нонѣ дней!—престоль, а ни-ни, чтобы ротъ это пополоскасть. Видано ли дѣло когда? Пили, пили, къ вину, ровно къ хлѣбу, привыкли, и вдругъ на-косъ вотъ! Во сняхъ то не снилось никому. Удумалъ Царь, пошли Богъ ему здоровья, закрылъ монополю. И правильно. Тамъ умирають за насъ, а мы пили бы здѣсь да гуляли. Нехорошо это да и грѣшно ровно бы.

Такъ повѣряли мнѣ свои еще неубродившіяся впечатлѣнія мои собесѣдники, типичную и часто перекрестную рѣчь которыхъ я запечатлѣваю здѣсь въ послѣдовательномъ изложеніи выразившейся общей мысли.

— Бывало, въ японскую то войну,—продолжалось далѣе,—ужъ што творилось тогда. Провожаешь запаснаго, почитай, вся деревня пьяна. Бабы голосомъ воють, мужики горланятъ, орутъ. А нешто отъ жалости это? Спать больше. Иного запаснаго потомъ ни въ телѣгу, ни въ вагонъ не усадишь, чуть што не до бунтовъ доходило, ежели много ихъ гдѣ сберется. А нонѣ поди ты, на народѣ трезво когда, волю не замутишь никто. Идутъ себѣ сердешные, запасные эти, и горя быдто мало. Ужъ што тамъ на душѣ у нихъ, одному Богу извѣстно, а сѣли въ вагонъ, гляди, ровно какъ и не на смерть пошли: ура все кричатъ да шапками машутъ. Инда вчуже слеза прошибаетъ. Трогательно, посмотришь какъ. Иная баба реветъ, реветъ, провожаючи сына, а какъ увидитъ, что сынъ спокоенъ съ другими стоять да поклонны ей на прощанье дѣлаетъ,—«вернусь, говорить, скоро, встрѣчайте меня»,—и у ней на сердцѣ отляжетъ.

Такою образною передачею душевныхъ переживаній деревня опредѣляла свое отношеніе къ вину въ наступившіе тяжкіе дни для родины: его грѣшно, нехорошо пить, когда тамъ, на поляхъ брани, умирають за насъ братья наши, его не пристало пить подымающейся на врага ратной силѣ, ибо видъ хмельнаго мужества не трогаетъ народной души.

Но вынужденная трезвость захватила крестьянскіе умы не одною своею стороною по связи съ надвинувшеюся войною, еще болѣе того она дала поводъ обсуждать значеніе ея для самого народа.

— И то сказать,—разсуждали по этому поводу мужики,—десять, пятнадцать рублей, что потратила бы, скажемъ, семья въ праздникъ теперь на вино да на пиво, разѣ они пролежать карманы кому. А вѣдь такихъ то праздниковъ на деревнѣ у насъ два въ году, да, посчитаю—другіе еще, да свать да кумъ заѣдутъ когда, да робята свои полакомятся, вотъ оно за годъ, гляди, худо, худо, коли полсотней отъѣдешь, а то и всѣ шесть либо семь красныхъ припасай. А приставъ-ка эти деньги къ хозяйству да кажный бы годъ отъ, разѣ такъ мы бы жили. И бѣднота отчего у насъ больше, какъ не отъ вина этого самаго. Иной пьетъ, пьетъ, чѣмъ бы въ домъ нести, все изъ дому норовитъ. Извѣстно, угаръ какъ въ голову вступитъ, все ни по чемъ. А какія у мужика деньги? Вотъ и тащить закладать, что пошло. Въ другой семьѣ поисъ бываетъ нечего, а ему все одно на умѣ: вино. А потомъ, какъ очухаться время придетъ, по суткамъ пластомъ лежитъ. До работы ли тутъ, до хозяйства.

— Но какіе же,—спрашиваете вы,—заклады могутъ быть при казенкахъ?

— Лиха бѣда, однѣ бы казенки. А вотъ самое еще зло, што по-тайно торгуютъ да не какъ нибудь, а чуть што не въ каждой деревнѣ кругомъ. Бабы больше шинкарятъ, мужики не займются этимъ дѣломъ. Въ иной деревнюшкѣ и десяти дворовъ не начтешь, а смотришь, мало въ одной, такъ и въ другой семьѣ еще промышляютъ. Отколь и пьянство да озорство у робятъ, какъ не черезъ этихъ самыхъ бабъ. Вина въ домѣ нѣтъ, казенки закрыты, а у нихъ оно всегда подь полой, какъ на гулянки, либо на посидѣнки идти. Мало одной бутылки, двѣ оберуть, да пива еще когда, а вѣдь посидѣнки по зимамъ, почитай, кажный вечеръ,—изъ дома въ домъ перехаживаютъ. Вино 40 коп. стоитъ, а бабѣ плати 50 али всѣ 60,—давай только. Крѣпко балуются парни, иной отъ рукъ совсѣмъ отбивается, а што съ ними дѣлать, на веревку вѣдь не посадишь. Да и сади, не сади, все одно; не до шинка, такъ до казенки дойдутъ, не до казенки, такъ до пивной либо до трактира тамъ. Пиво, конечно, хоша и не водка, а и имъ зашибиться можно, въ охотку коль; попей-ко стоханомъ.

— Да развѣ начальство не освѣдомлено,—выражаете вы невольное удивленіе,—что здѣсь широко такъ торгуютъ виномъ по деревнямъ?

— Да кто ѣ тамъ знаетъ, вѣдаетъ оно али нѣтъ; може, и вѣдаетъ, да вѣдь доходъ отъ все однакъ въ казну. Самимъ же жалиться ровно и не къ мѣсту супротивъ своихъ, ненарокомъ еще сердца наживешь, да и польза какая въ томъ? Тутъ либо тамъ, хоша бы въ той же казенкѣ, все одно достанутъ, а вина не достанутъ и пивомъ нальются. Такъ оно и идетъ кругомъ. А вотъ какъ закрыто то, значить, сейчасъ тутъ одинъ законъ для всѣхъ: не пей и, стало быть, не торгуй. Теперъ, ежли и вздумаетъ кто, и отъ своихъ потачки не жди. Бабы то, вишь, притихли всѣ. У другой, може, и осталось запасу сколь, да боится выказать, ну, и совѣстится тоже опять, потому нельзя.

Когда я вслушивался въ эти рѣчи моихъ собесѣдниковъ и разбирался въ психологіи крестьянской души, мнѣ невольно думалось, насколько же сильными должны представляться всѣ мѣры, направленныя къ сокращенію пьянства въ деревнѣ и къ искорененію въ ней корчемства. И это не снисходительное отношеніе народа къ шинку, а глубокое сознаніе, что въ томъ заколдованномъ кругѣ, въ какомъ онъ находится, „все одно“: не отъ бабы, такъ отъ казенки или отъ пивной желающій одинаково будетъ пьянъ. Въ глазахъ народа вино и пиво предметъ всеобщаго потребленія, и если торгуетъ ими казенка, трактиръ и пивная, то почему же не торговать и бабѣ, покупать у которой удобнѣе. Казна при этомъ не терпитъ ущерба, здѣсь только ущербъ покупателя, переплачивающаго лишнее за удобства покупки у знакомой сосѣдки. И поэтому не баба тутъ виновата и не мужикъ, обращающійся къ ней за „одолженіемъ“, а вообще напитки и производящая гдѣ бы то ни было торговля ими.

Глубоко фатальными въ устахъ народа звучатъ эти слова: „все одно“. Въ нихъ символизируется вся та тщета его усилій, которыя онъ дѣлалъ и дѣлаетъ надъ собой, чтобы сдержать свою слабую волю и не покатиться еще ниже по той наклонной плоскости, по какой влекутъ его многоразличныя явныя и тайныя алкогольныя заведенія. Столѣтія жила родина подь игомъ этихъ словъ, столѣтія въ безсиліи боролась она съ искушающимъ ее демономъ, давая зароки, посылая проклятія искушителямъ и ужасаясь содѣяннаго въ дни своихъ искушеній, и въ результатѣ снова и снова: „все одно“. Но настали минуты, и великой войнѣ, видимо, суждено явиться и великою искупительною жертвою для

народа. Взгляните теперь на деревню, взгляните на эти спокойныя и довольныя лица отцовъ и матерей и вы убѣдитесь, что надъ деревнею дѣйствительно легла печать искупленія отъ тяжкихъ грѣховъ, и она, просвѣтленная и умиленная, только и твердитъ свои завѣтныя думы и чаянія: „давно бы такъ надо“, „давно пора мужика пожалѣть“.

Надо ли говорить о томъ смущеніи, какое переживала деревня, когда разнеслась вѣсть, что съ 1-го сентября торговля напитками вновь будетъ открыта.

— Не дай ты, Господи!—съ неподдѣльною горечью въ душѣ волновалась деревня.—Хужей прежнего будетъ. Кто съ горя запьетъ, што послѣдняго работника на войну взяли, кто съ голодухи, что долго не пилъ. Совѣмъ съ кругу сшибется народъ. А што цѣной то это думаютъ отвадить, надбавкой на вино устращать, такъ это „все одно“. Сапожнишекъ своихъ не хватить, новины у бабы, наряды пропьютъ. Анъ, на то же и выйдеть. Разрухи въ хозяйствѣ только прибудеть.

На этотъ разъ пламенной мольбѣ народа улыбнулось счастье, и успокоившаяся деревня долго и на разные лады судила и рядила о состоявшемся распоряженіи не открывать продажи напитковъ на все время военныхъ дѣйствій.

— Ужъ истинно сказать, умудрилъ Господь Царя-Батюшку нашего,—разсуждали деревенцы между собою.—Только народу окрѣпить бы, штобъ не тянуло его, а ужъ тамъ открывай хошь, немного возьми, коль сила держаться будетъ да пользу спознаеть всякъ. Вонъ, и сейчасъ, взять старовѣра, къ примѣру, не попутаетъ бѣсъ его, какъ сила, значить, въ ѣмъ есть. Такъ и мы. Теперь, вотъ, не стало вина, такъ ровно бы и вѣкъ его не было да и не надо бы вѣкъ.

Толки деревни о пользѣ воздержанія отъ вина, носившія вначалѣ лишь теоретическій какъ бы характеръ, нашли въ скоромъ времени и реальное подтвержденіе въ правотѣ ихъ. Въ сентябрѣ деревню облетѣла необычная вѣсть. Неисправимый мотъ и пьяница Яшка Масленокъ, работавшій на станціи желѣзной дороги, послалъ „по обновкѣ робятишкѣмъ и жонкѣ“. Собравшимся у колодца бабамъ событіе это послужило неисчерпаемою темою для разговоровъ.

— Дивонько!—дѣлились онѣ впечатлѣніями между собою,—што-то сталося съ нимъ? Бывало, все съ дому тащилъ, а тута о семьѣ расту-жился.

— Да, слышь, и себѣ сапоги завелъ новые.

— Не иначе, што закрыто то, значить, все теперь. Ни вина стало купить, ни пива и трахтеры всѣ подъ замкомъ; деньги, небось, и некуль зорить. Баба то сказывала, што получить, бывало, то и пропить. Знамо, по бутылкѣ на дню какъ положеніе, попей-косъ эдакъ, много-ль отъ тебя станеть; не сотка вѣдь.

— Што говорить. Справится, небось, семья то теперь.

— Какъ не справится. Заработокъ хорошій имѣеть, до сорока, слышь, рублей каждый мѣсяць. Жить можно.

— Ну, дай Богъ! Образумится хошь мужикъ. Робятокъ то жалко, голодными сидѣли; и избенку подпирать, студиться не стануть.

Изъ всего деревенскаго люда только парни вначалѣ занимали особое положеніе отъ старшихъ и не присоединялись къ общему хору ихъ голосовъ, замѣтно чуждаясь разговоровъ на „пьяную“ тему и изподтишка подсмѣиваясь надъ стариками. Но время сдѣлало свое дѣло, и удивившись въ безповоротности принятой мѣры, обязывавшей мириться съ

новымъ создавшимся положеніемъ, и они вошли скоро въ общую колею трезвой рабочей жизни. И на мой вопросъ: „ну, какъ геперь безъ вина?“ парни уже отвѣчали:

— А што, пожалуй, оно и лучше еще. Спервоначалу точно какъ будто не ладно было, особливо въ праздники если, а сейчасъ хошь бы што, какъ привыкли. По крайности погуляешь и голова не болитъ, какъ ранѣй, выплншься съ вечера и за работу по утру сразу примешь-ся. Ну, и здоровъ, ссоръ этихъ, дракъ не бываетъ.

Трезвая Русь! Впервые послѣ долгихъ изжитыхъ мною лѣтъ я встрѣчаю тебя неомраченною роковымъ недугомъ твоимъ. И какъ величаво спокойна и разумна ты въ обаяніи этого трезваго, яснаго духа. Съ этимъ трезвымъ спокойствіемъ духа начала и продолжаешь ты войну и въ немъ почерпаешь ты мужество—этотъ залогъ твоихъ побѣдъ надъ страшнымъ врагомъ. Подымется ли рука у кого, чтобы за твои геройскіе подвиги и побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ снова отдать твою великую душу на поруганіе растлѣвавшему тебя внутреннему врагу и достояніе твое на потокъ и разграбленіе ему? И я уже вижу занимающуюся зарю твоего возрожденія и избавленія отъ этого неодолимаго врага, вижу, какъ ты свободная отъ тяжелыхъ путей его, просвѣтленная, могучая и великодушная спокойно и бодро идешь по своему великому историческому пути, начертанному для тебя на скрижаляхъ міровыхъ судьбъ.

А. А. Чарушинъ.

Печатать разрѣшается. Исп. об. военнаго цензора В. Всеволожскій.

Перепечатано изъ „Извѣстій Арх. О-ва изуч. Русск. Сѣвера“ за 1914 г.

Архангельскъ. Губернская Типографія.